

0-772076

На правах рукописи

Ольга

ГАЛАКТИОНОВА Ольга Сергеевна

АСПЕКТЫ ПОРОЖДЕНИЯ УСТНОГО ТЕКСТА НА РОДНОМ
И НЕРОДНОМ ЯЗЫКАХ

(на материале русского и английского языков)

Специальности: 10.02.01 – русский язык,

10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

11

076

Орел – 2008

Работа выполнена на кафедре английской филологии ГОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
Филиппов Вадим Станиславович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Милославский Игорь Григорьевич

кандидат филологических наук, доцент
Мартынова Елена Михайловна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет»

Защита состоится 25 сентября 2008 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при ГОУ ВПО «Орловский государственный университет» по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского государственного университета.

Автореферат разослан «15» августа 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000467799

Ученый секретарь
диссертационного совета

Гришанова В.Н.

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена вопросам функционирования механизмов порождения устного повествовательного текста на родном и неродном языках.

Актуальность темы работы обусловлена несколькими факторами. Последние два десятилетия в связи со значительными экономико-политическими изменениями в жизни нашей страны и все более глубокими процессами глобализации современного общества одним из обязательных составляемых социально-экономического успеха человека становится владение несколькими языками. Самым доступным большинству россиян способом овладения иностранным языком остается структурно-формальное обучение в школе, вузе или на языковых курсах. Неудивительно, что лингвисты, методисты и психологи ищут новые пути оптимизации формального обучения, для чего требуется глубокий анализ общения как сферы человеческой деятельности, постижение внутренних механизмов речевой деятельности и всестороннее исследование феномена билингвизма.

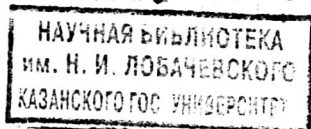
Явление билингвизма давно привлекает внимание ученых, но большинство работ в этой области посвящено детскому билингвизму, учебный билингвизм изучен меньше, и многие исследования не учитывают способ овладения вторым языком. В то же время данные нейролингвистики говорят о том, что функционирование речевых механизмов и распределение речевых функций по отделам головного мозга в значительной степени зависят от способа усвоения языка. Уровень коммуникативной компетенции при говорении на родном (первом) и неродном (втором) языках также существенно различается. Поэтому знание тех особенностей речевой деятельности, которые обусловлены именно фактом усвоения языка структурно-формальным способом, позволит сделать важные выводы о речевой организации человека при несбалансированном учебном билингвизме и разработать более эффективные методики обучения иностранным языкам.

В ходе усвоения неродного языка самым сложным оказывается овладение продуктивными видами речевой деятельности, то есть формирование речепорождающих механизмов. Интерес, проявляемый исследователями к вопросам изучения механизмов порождения речи, закономерностей их формирования и функционирования, постоянно возрастает. Но изучение процессов речепорож-

дения всегда осложнялось тем, что традиционный для лингвистики способ анализа, основывающийся на типе выбранного языкового средства, то есть изучение поверхностной структуры высказывания, оказывается недостаточным, так как часто не позволяет делать выводы относительно когнитивных процессов, стоящих за той или иной лингвистической единицей. Поэтому объектом исследования становятся не столько лингвистические единицы сами по себе, сколько их функциональные и прагматические характеристики, их существование в рамках целого речевого произведения, а также особые «маркеры» речепорождающего процесса в поверхностной структуре высказывания. В связи с этим изучение отдельного высказывания оказывается недостаточным, и внимание исследователей переключается на более сложную единицу – текст. Текст дает информацию не только об особенностях выбора отдельных лексических единиц и их соединении в рамках одной пропозиции, но и о характеристиках процесса вербального кодирования более сложных концептов – гештальтов, фреймов и сценариев. Сегодня существует большое количество моделей и концепций порождения речи на родном и неродном языках, но даже наиболее популярные из них рассматривают производство отдельного высказывания, лишь вскользь касаясь вопросов порождения целого текста. В то же время исследования, посвященные тексту, обычно не учитывают различия между речепорождением на родном и неродном языках.

Одним из основных различий процессов речепроизводства на Я1 и Я2 является степень автоматизированности и осознаваемости речепорождающих процедур. Традиционно этот аспект (как и процесс речепроизводства в целом) исследуется на «отрицательном» материале. Оговорки, ошибки, самоисправление, «переключение» с языка на язык, нарушения речи при афазиях – все это является источником информации о когнитивных механизмах производства речи и самоконтроле в речепорождающем процессе. Отдельные стороны механизма мониторинга речи самим говорящим глубоко исследованы в рамках англоязычной теории овладения вторым языком, но большинство этих работ не переведены на русский язык. Исследования, проведенные отечественными авторами, немногочисленны, и сегодня эта область только начинает развиваться в нашей стране.

Важным является и тот факт, что исследования процесса продуцирования речи в нашей стране и за рубежом долгое время велись практически неза-

висимо друг от друга, многие выводы и концепции отечественных ученых остались неизвестными на Западе, а работы иноязычных авторов недоступны на русском языке. Уже давно возникла необходимость объединения взглядов и результатов исследований отечественных и зарубежных ученых, но пока сделаны лишь первые шаги в этом направлении.

Сказанное позволяет определить предметно-целевую направленность данной работы.

Объектом исследования является процесс производства текста.

Предметом работы выступают особенности процесса производства устного текста относительно простой содержательной структуры на неродном, выученном структурно-формальным способом языке в сравнении с характеристиками этого процесса на родном, усвоенном прямым способом языке.

Материалом для исследования послужили 196 устных монологических текстов на русском (родном для говорящих) и английском (неродном, выученном структурно-формальным способом) языках.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы предложить описание особенностей процесса текстопроизводства на родном и неродном для говорящего языках, учитывая способ усвоения иностранного языка. В соответствии с поставленной целью были выдвинуты следующие исследовательские **задачи**.

1) Разработать модель порождения устного текста, для чего необходимо:

- ознакомиться с существующими в лингвистике подходами к определению понятия «текст», дать рабочее определение этому явлению, выделить существенные свойства текста как особой коммуникативной единицы;
- рассмотреть теоретические подходы к описанию процесса порождения высказывания и текста на родном и неродном языках;
- на основе анализа рассмотренных концепций предложить модель порождения устного текста с учетом способа усвоения языка;
- использовать разработанную модель для анализа конкретного лингвистического материала, проверив тем самым правомерность выдвигаемых предположений.

2) Исследовать механизмы мониторинга на родном и неродном языках и определить особенности функционирования этих механизмов, обусловленные способом усвоения языка, для чего:

- проанализировать представленные в литературе взгляды на особенности функционирования механизмов контроля речевого производства;
- рассмотреть существующие исследования компенсаторного (корректирующего) поведения говорящих;
- выделить элементы поверхностной структуры текста, которые могут дать информацию об особенностях протекания процессов мониторинга;
- дать определение понятия мониторинга, обозначить взаимосвязь между эксплицитными выражениями деятельности механизмов мониторинга в тексте и стоящими за ними психолингвистическими процессами;
- проанализировать корпус устных монологических текстов на русском и английском языках с точки зрения реализации в них работы механизмов мониторинга;
- на основе проведенного анализа сделать выводы об особенностях мониторинга при говорении на языке, усвоенном школьным способом.

Научная гипотеза, положенная в основу исследования, состояла в следующем. Способ усвоения языка оказывает определенное влияние на специфику протекания процессов текстопроизводства, при этом наиболее ярко эта зависимость должна проявляться на этапе реализации макроплана текста, в частности, в таком аспекте, как мониторинг собственной речи. Поверхностная структура текста несет в себе маркеры различных операций мониторинга: механизмов контроля и компенсирующих приемов и средств, используемых говорящим при столкновении с трудностями в процессе речепорождения. Сравнительное изучение текстов несложной содержательной структуры, в основе которых лежит одна и та же ситуационная модель, позволит выделить обусловленные способом усвоения языка особенности производства текста.

Теоретическую базу исследования составили работы:

- по психолингвистике (Т.В. Ахутина, В.П. Белянин, Л.С. Выготский, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.М. Шахнарович, К. De Bot, G.S. Dell, M.F. Garrett, D.G. Mackay, N. Poulisse, J.P. Stemberger, W. Levelt и др.);
- по нейролингвистике (Б.С. Котик, А.Р. Лурия, Т.В. Черниговская, М. Paradis);
- по лингвистике текста (О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, И.Р. Гальперин, К. Глаузенблаз, В. Дресслер, О.Л. Каменская, Г.В. Кол-

шанский, Е.С. Кубрякова, О.И. Москальская, А.Н. Мороховский, Т.М. Николаева, Ю.М. Скребнев, R. de Beaugrande и др.);

- по коммуникативной лингвистике (В.З. Демьянков, М.Л. Макаров, Л.Ф. Маркова, Н.В.Муравьева);

- по теории овладения вторым языком – SLA-research (E. Bialystok, M. Canale, S. Gass, R.Oxford, J. Rubin, L. Selinker, M. Swain и др.);

- по изучению процессов контроля и мониторинга речи (Г.В. Ейгер, А.А. Леонтьев, Т. Bongaerts, Z. Dörnyei, C. Faerch, G. Kasper, E. Kellerman, J. Kormos, N. Poulisse, M.L. Scott, E. Tarone, E. van Hest, G. Willems, G.Yule и др.).

Методы исследования:

В работе использовались следующие общенаучные методы: описательно-аналитический, гипотетико-дедуктивный, эмпирический. Они предполагали такие виды работы, как изучение теоретических и практических работ отечественных и зарубежных исследователей, выдвижение рабочих предположений, проведение экспериментальной процедуры по сбору лингвистического материала, сравнительный анализ языкового материала, направленный на проверку и уточнение выдвинутых предположений.

Научная новизна исследования определяется тем, что, насколько нам известно, впервые сопоставительный анализ материала, произведенного билингвами на родном и неродном языке, осуществлен с опорой на модель производства целостного текста, в которой фактор способа усвоения иностранного языка учтен в качестве одного из существенных компонентов.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что в ней впервые предлагается описательная модель продуцирования текста с учетом способа усвоения языка, в основу которой легли синтезированные взгляды как отечественных, так и зарубежных исследователей, а также дается комплексное определение мониторинга как одного из важнейших компонентов речепорождающего процесса.

С опорой на результаты исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом, в данной диссертации дается описание тех механизмов мониторинга собственной речи говорящим, работа которых эксплицируется в готовом речевом продукте – тексте, а также выделяются особенности функционирования этих механизмов, обусловленные способом усвоения языка. Самоисправления и компенсаторные стратегии, которые традиционно исследовались относительно

независимо друг от друга, рассматриваются как взаимосвязанные компоненты единого процесса. Многие характеристики коррекционного поведения говорящего объясняются способом усвоения языка и оцениваются с точки зрения их эффективности в вербальной коммуникации. Наконец, в работе намечаются дальнейшие направления и пути изучения явлений, которым посвящено данное исследование.

Практическая значимость результатов работы определяется возможностью включения их в спецкурсы по лингвистике, психолингвистике, методике преподавания иностранных языков (в том числе русского как иностранного), использования при написании курсовых и дипломных сочинений. Полученные в ходе исследования данные могут быть учтены при составлении практических курсов обучения ИЯ, что позволит улучшить коммуникативную компетенцию обучающихся при говорении на неродном языке.

В соответствии с итогами проведенного исследования **на защиту выносятся следующие положения.**

1) Изучение процесса порождения текста не должно ограничиваться исследованием процесса производства отдельного высказывания, так как текст является особой коммуникативной единицей, не сводимой к сумме составляющих ее частей – высказываний. Описательная модель производства текста должна учитывать и объяснять механизм формирования сущностных свойств текста, отличающих его от процесса порождения высказывания.

2) При исследовании различий в процессе текстопорождения на родном и неродном языках необходимо учитывать способ усвоения второго языка.

3) Операции этапа планирования процесса текстопроизводства (который, как любой другой вид деятельности, состоит из двух этапов: планирования и реализации плана) не имеют существенных различий при говорении на родном и неродном языках, а тот факт, что результат этого этапа при продуцировании текста на втором языке оказывается редуцированным, обусловлен не различиями в протекающих психолингвистических процессах, а недостаточной компетенцией говорящего. Операции реализации макроплана текста различаются в значительно большей степени. На этом этапе способ овладения языком оказывается значимым, т.к. он обуславливает особенности грамматического кодирования высказывания и характер протекания процессов мониторинга собственной речи говорящим.

4) Мониторинг говорящим собственной речи представляет собой двух-фазный процесс, состоящий из контроля процесса порождения и реакции на результаты контролирующей деятельности. Именно мониторинг в наибольшей степени зависит от способа усвоения языка. Контролирующая и компенсирующая деятельность говорящего в процессе текстопорождения в значительной степени обусловлена стереотипами формального обучения. Следовательно, сознательная работа по оптимизации процессов мониторинга собственной речи изучающими иностранный язык поможет повысить коммуникативную компетенцию говорящих на неродном языке.

Апробация работы. Основные положения диссертации и результаты исследования обсуждались на Всероссийской научной конференции «Семантика общения», в рамках межкафедрального лингвистического семинара на факультете иностранных языков Орловского государственного университета, на заседаниях кафедры английской филологии Орловского государственного университета. Основные аспекты темы и результаты исследования отражены в шести публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 191 источник, и приложения.

Основное содержание работы.

Во **введении** обосновываются актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначены предмет и объект, цель и задачи исследования, перечислены методы, используемые в ходе исследования, изложены положения, выносимые на защиту, приведены данные об апробации результатов исследования.

Первая глава – «Процесс производства текста на родном и неродном языках» – посвящена реферативному обзору моделей, описывающих процесс производства отдельного высказывания и целого текста, и разработке адаптированной модели порождения текста, позволяющей учитывать способ усвоения языка.

Из всего многообразия концепций описания процесса речепроизводства, представленных в психолингвистической литературе, мы остановились на шести наиболее проработанных и авторитетных: [Леонтьев 1999; Кубрякова, Шахнарович, Сахарный 1991; Зимняя 1985; Залевская 1977; Stemberger 1985; Levelt 1989]. Несмотря на заметные различия, заключающиеся главным образом в том, на какой аспект речепорождающего процесса направлено внимание

исследователя, все рассмотренные концепции укладываются в общую схему: интенция (намерение, мотив) говорящего – определение смыслового содержания будущего высказывания (замысел, внутренняя программа, довербальное сообщение) – переход на объективный код (линеаризация иерархии пропозиций, выбор языковых форм выражения концептуального содержания, кодирование) – моторная реализация /артикулирование.

Эти, уже ставшие традиционными, модели отражают процесс производства отдельного высказывания на родном для говорящего языке (Я1). Процессы речепорождения на иностранном языке исследованы меньше, но сегодня это один из самых разрабатываемых вопросов психолингвистики. Мы рассмотрели три концепции, адаптирующие существующие модели продуцирования речи на Я1 для описания речепорождающего процесса на неродном языке (Я2): [De Bot 1992, Poulisse & Bongaerts 1994, Paradis 2001]. Исследования, посвященные этому вопросу, обычно начинаются с определения основных особенностей процесса речепроизводства на иностранном языке, которые в самом общем виде можно представить следующим образом:

1) Ментальные лексиконы людей, говорящих на одном или на двух и более языках, различаются, т.к. в памяти билингва должно храниться больше лексических единиц и их форм. Процесс извлечения единиц для формирования высказывания и их грамматическое оформление в этом случае оказывается более сложным, чем при владении одним языком.

2) Все процессы при говорении на родном языке более автоматизированы по сравнению с говорением на иностранном языке, особенно при низком и среднем уровне владения последним. Соответственно, наблюдается и более высокий уровень контроля при говорении на Я2, и осуществление контроля даже на тех стадиях, которые на родном языке протекают практически без осознанного участия говорящего.

Для того чтобы ответить на вопрос: как происходит производство целого текста, необходимо тщательно проанализировать само понятие «текст», дать его определение, выделить категориальные признаки, рассмотреть его основные свойства, что и было сделано во втором разделе первой главы реферируемой работы. Текст определяется как знаковый продукт, результат дискурсивной деятельности, причем к текстам относятся как письменные, так и устные речевые произведения, обладающие такими свойствами, как связность и целостность, и являющиеся выражением коммуникативной интенции автора. Такое речевое произведение, являясь последовательностью языковых знаков, признается коммуникативной единицей высшего уровня. Это определение уже содержит в себе те сущностные свойства текста, которые характеризуют его как особую коммуникативную единицу: интенциональность, целостность (цельность), связность, линейность, информативность, ситуативность. Существование этих категориальных признаков не позволяет сводить проблему производства текста к проблеме порождения отдельного высказывания, так как в процессе создания текста должны присутствовать компоненты и операции, обуславливающие формирование выделенных свойств.

Анализ литературы приводит к выводу о необходимости разработки такой описательной модели, которая позволила бы представить процесс производства текста как коммуникативной единицы высшего уровня с учетом способа усвоения языка, на котором он создается. Следует отметить, что предлагаемое нами описание процесса текстопроизводства не вступает в противоречие с общепринятыми взглядами, в частности, строится на принципиальной основе, разработанной в рамках концепции порождения высказывания Московской психолингвистической школы. А.А.Леонтьев, представляя эту концепцию, указывал на то, что она во многом является абстрактным построением, в основу которого положен «эвристический принцип, допускающий в различных «точках» процесса порождения выбор различных моделей, тем самым включает в себя их частные случаи» [Леонтьев 1999: 120]. Предложенная в нашей работе модель как раз и является одним из таких частных случаев, где фокус внимания направлен на аспекты, определяющие формирование категориальных признаков текста, и особенности, обусловленные формальным способом усвоения языка.

Мы придерживаемся традиционного выделения в процессе речепроизводства этапов планирования и реализации замысла.

Основные операции этапа планирования при порождении текста – это оценка коммуникативной ситуации и структурирование смыслового содержания будущего текста. Результат оценки ситуации отражается в поверхностной структуре текста (тип текста, стилистические характеристики, особенности компенсирующего поведения говорящего, ориентированность на определенного адресата), этим обеспечиваются такие свойства текста, как коммуникативность и ситуативность. Смысловое содержание текста базируется на активированной ситуационной модели (данный термин используется в том понимании, как его определил Т. Ван Дейк), при этом говорящий на основе собственных интенций и знаний о коммуникативной ситуации выделяет в доступной ему информации ту ее часть, которая подлежит реализации в тексте, создавая таким образом его информативность. Результатом этапа планирования является макроплан текста, который обеспечивает такое основополагающее свойство текста, как цельность.

На втором этапе – переводе макроплана текста на вербальный код – осуществляется производство отдельных высказываний, подчиняющихся общей композиции текста. Необходимо отметить, что высказывание в составе текста, выступающее его конституирующим элементом, ни в смысловом, ни тем более в коммуникативном плане не равно высказыванию как самостоятельной единице. В дискурс-анализе текст разбивается на интонационные единицы, которые, как правило, оказываются равными одной пропозиции, и лишь при упрощенном подходе могут быть приравнены к простому предложению. Но в естественной коммуникации интонационные единицы не всегда носят законченный характер в смысловом и синтаксическом отношении. Кроме того, устный монологический текст вообще плохо поддается сегментации, так как «устный нейтральный монолог, подчиненный единой коммуникативной интенции

говорящего и порождаемый в отсутствие активного партнера, характеризуется <...> наличием активных деструктурирующих процессов, наблюдаемых на лексическом, синтаксическом и просодическом уровнях и приводящих к ослаблению фразовой дискретности» [Бубнова 2001: 24-25]. Тем не менее связность и линейность текста позволяют разбивать его на отдельные относительно законченные в синтаксическом и смысловом отношении, но несвободные коммуникативные элементы, которые в данной работе обозначаются термином «высказывание».

Макроплан текста и уже произнесенные фрагменты, хранящиеся в оперативной памяти, оказывают влияние на производство каждого следующего высказывания: довербальное сообщение, выражающее отдельную пропозицию, соотносится с общим замыслом текста и ситуационной моделью. Таким образом обеспечивается цельность и связность продуцируемого текста. Механизмом, обеспечивающим возможность этих операций, является мониторинг собственной речи.

Важную роль в обеспечении связности текста играет компонент, который в нашем исследовании обозначается как «активированные лексемы», то есть единицы, уже извлеченные из ментального лексикона и использованные в речи. Согласно теории распространяющейся активации [Dell 1989; Stemberger 1985], такие единицы находятся выше своего уровня покоя и, соответственно, легче всего извлекаются из памяти при продуцировании следующих высказываний. Можно предположить, что в оперативной памяти говорящего эти единицы формируют особый компонент, который для повествовательного текста представляет собой заполненные единицами языка основные категории содержательной схемы: участники ситуации, значимые в предложенной ситуации предметы, релевантные для понимания ситуации характеристики героев и т.д.

Рассматривая этап реализации макроплана текста, мы предположили, что грамматическое кодирование (термин У. Левелта) на выученном языке отличается от грамматического кодирования на усвоенном прямым способом языке (независимо от того, первый это язык или второй). В процессе формального изучения языка в долговременной памяти учащегося формируется блок знаний, представляющий собой набор эксплицитных декларативных знаний, то есть правил пользования языковыми единицами и построения высказывания из них. Такой компонент может полностью отсутствовать при речепроизводстве на родном языке: порождение речи происходит с использованием процедурных и чаще всего неосознаваемых знаний. Его формирование для родного языка возможно только в результате специальной лингвистической подготовки, но даже в этом случае обращение к нему в процессе реального речепроизводства происходит в исключительных случаях столкновения с трудностями в процессе кодирования. Таким образом, язык, на котором осуществляется текстопорождение, оказывает заметное влияние на процесс продуцирования речи на втором этапе – реализации макроплана.

Наиболее значительны и наглядны различия, которые связаны с особым компонентом процесса производства текста – мониторингом собственной речи.

В данной работе мониторинг определяется как процесс регуляции говорящим собственной речи, включающий два аспекта: 1) контролируемую деятельность, в процессе которой отслеживаются ошибки или некорректные элементы в готовом высказывании/тексте и трудности в процессе порождения; 2) компенсаторное поведение, позволяющее преодолевать возникшие трудности и корректировать признанные неадекватными высказывания.

В рамках мониторинга собственной речи говорящий совершает множество операций, некоторые из которых отражаются в готовом речевом продукте в виде различных маркеров, пауз, хезитаций, а другие протекают незаметно для внешнего наблюдения. Обзор существующих исследований, посвященных изучению этих операций, дается во **второй главе** работы – «Мониторинг процесса речепроизводства».

В традициях отечественной психолингвистики все концепции порождения речи включают в себя такой обязательный компонент, как самоконтроль процесса речепорождения. В модели Московской психолингвистической школы на этапе грамматико-семантической реализации внутренней программы выделяется подэтап синтаксического контроля [Леонтьев 1999: 118], в модели И.А. Зимней – механизм слухового контроля [Зимняя 1978: 108], А.А. Залевская постулирует наличие множественного контроля, как межуровневого, так и внутриуровневого [Залевская 1999: 217]. В работе [Ейгер 1990] тщательно анализируется механизм контроля языковой правильности высказывания, который определяется как «механизм сличения и оценки соответствия значения и/или формы данной языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом» [Ейгер 1990: 10].

В рамках названных подходов рассматривается лишь первый аспект мониторинга, в то время как операции, к которым прибегает говорящий в случае, если механизм контроля сигнализирует о каком-либо сбое в процессе порождения или неадекватности полученной структуры языковым эталонам или коммуникативной ситуации, более подробно изучаются в рамках зарубежной теории овладения вторым языком (SLA-research) [Levelt 1983, Kormos 1999, Færch & Kasper 1983, Poullisse 1990]. Здесь наибольшее внимание уделялось двум видам операций – самоисправлениям и так называемым коммуникативным стратегиям.

Самоисправления представляют собой, с одной стороны, эксплицитное выражение действия механизмов контроля, а с другой – компенсаторное средство, позволяющее минимизировать ущерб, который наносит коммуникации некорректное или ошибочное высказывание. Сравнение частоты встречаемости и типов самоисправлений в речи на родном и неродном языках дает исследователю возможность сделать выводы об особенностях функционирования механизмов мониторинга, а следовательно, и протекания процесса речепорождения на Я1 и Я2.

Коммуникативные стратегии представляют собой способы компенсации недостаточной компетенции говорящего на неродном языке. В англоязычной

литературе такие стратегии делятся на компенсаторные и редуccionные [Færch & Kasper 1983; Willems 1987; Dörnyei & Scott 1997 и др.]. Следует отметить, что использование термина «коммуникативные стратегии» на русском языке вносит некоторую терминологическую неясность, так как в отечественной традиции под коммуникативными стратегиями понимают стратегии общения [Демьянков 1982; Маркова 1994; Муравьева 2002], к тому же сам термин представляется недостаточно адекватным для обозначения того явления, о котором идет речь. Поэтому при описании результатов нашего исследования мы используем термин «компенсирующие стратегии», что, на наш взгляд, точнее отражает суть рассматриваемого явления.

Традиционно самоисправления и коммуникативные стратегии освещаются в литературе относительно независимо друг от друга. В то же время похожие случаи нередко относятся разными авторами то к одному, то к другому из этих явлений, что, безусловно, говорит об их близости и взаимозависимости. В сложившейся ситуации необходим комплексный подход к рассмотрению как этих компенсирующих приемов, так и всех операций мониторинга.

К решению данного вопроса мы приступаем в **третьей главе** работы – «Сравнительный анализ особенностей производства текста на родном (русском) и неродном (английском) языках».

Для того чтобы обеспечить исследование речевым материалом, нам был необходим корпус устных текстов на русском и английском языках с одинаковой содержательной базой, созданных в одних и тех же условиях. В рамках решения этой задачи была организована экспериментальная процедура, в которой приняли участие 36 русских студентов третьего курса факультета иностранных языков, изучающих английский язык как первый иностранный, и 7 американских студентов в возрасте 17-21 года. Суть используемой нами методики заключалась в следующем. Информантам предъявлялся для просмотра небольшой видеоролик, содержащий четкий сюжет, построенный по принципу анекдота. Перед информантами стояла задача передать увиденный сюжет на английском и русском языках. Полученные тексты фиксировались с помощью диктофона, а затем оформлялись в письменной форме с использованием стандартной орфографии с элементами литературной буквенной транскрипции.

Обеспечить языковую объективность анализа текстов на английском языке (родной язык исследователя – русский) позволила небольшая группа текстов (19), созданных носителями английского языка – американцами.

В результате обработки аудиоматериала мы получили 196 (+19) текстов объемом от 80 до 1319 печатных знаков (с пробелами). В процессе анализа было необходимо разбить текст на фрагменты для того, чтобы иметь возможность выделить содержательную схему текстов, обеспечивающую их цельность и являющуюся отражением модели ситуации, а также обозначить в рамках отдельных элементов текста средства осуществления процесса мониторинга. Все речевые произведения были разбиты на фрагменты, отражающие определенный элемент модели ситуации, описываемой в тексте. Затем в текстах были выделе-

ны маркеры речевых затруднений (самоповторы, хезитации, вздохи, смешки, особая интонация, неоконченные фразы, выражения типа «как это называется» и прямая просьба о помощи), паузы и самоисправления.

Анализ материала позволил подтвердить предположение о том, что этап планирования будущего речевого произведения протекает одинаково на родном и неродном языках, но в случае учебного несбалансированного билингвизма недостаток коммуникативной компетенции приводит к тому, что при говорении на Я2 результат некоторых операций не может быть реализован на следующем этапе, при переводе макроплана текста на вербальный код. Этим обусловлены различные виды редукции, характерные для говорения на неродном языке, например, наблюдающееся в нашем случае отсутствие стилистической дифференциации. Тем не менее объем информации, подлежащей передаче в будущем тексте, а значит, и конкретное заполнение категорий суперструктуры текста не зависит от языка, на котором он будет продуцироваться.

Сравнение текстов, полученных в разных сериях эксперимента, позволило сделать вывод о том, что вступление в действие «языкового компонента», обеспечивающего создание текста на выбранном языке, может происходить на разных подэтапах фазы реализации замысла и зависит, в том числе, от вида информации, на которой основывается содержательная сторона текста.

В анализируемых речевых произведениях мы выделили факты, подтверждающие предположение о существовании такого компонента, как активированные лексемы, в то же время материал показал, что выбранный нами термин не совсем корректен. В оперативной памяти могут храниться не только отдельные лексемы, но и более сложные единицы, как, например, фразы, сформированные в результате применения компенсаторных стратегий.

В процессе реализации макроплана текста говорящему требуется добиться соответствия готового речевого произведения макроплану текста, коммуникативной ситуации и лингвистическим «эталонам» конкретного языка. Это обеспечивается за счет функционирования механизма мониторинга, который, как показывает наше исследование, во многом зависит от способа усвоения языка. Анализ корпуса текстов с точки зрения проявления в них результатов операций мониторинга позволил нам дать комплексное описание этого аспекта процесса порождения текста.

Напомним, что самомониторинг состоит из контроля и компенсирующей деятельности. В соответствии с подэтапами процесса реализации макроплана текста можно выделить две фазы мониторинга, которые находят свое эксплицитное выражение в готовом продукте – произносимом тексте:

1) контроль и самокоррекция уже произнесенного высказывания, что составляет *внешний мониторинг* и наглядно отражается в самоисправлениях;

2) фиксация трудностей формирования поверхностной структуры высказывания и использование механизмов компенсации недостатка языковых средств и коммуникативной компетенции, что можно определить как *внутренний мониторинг*; этот аспект доступен для изучения на материале компенсаторных стратегий.

Функционирование *механизмов контроля* в процессе порождения речи основано на сличении получающегося продукта с хранящейся в долговременной и оперативной памяти говорящего информацией. То, что представления о Я1 и Я2 носят существенное различие, определяет и значительное расхождение в работе механизмов контроля при говорении на родном и неродном языках. Суждение о правильности/неправильности собственного высказывания строится как на интуитивном уровне – «чувстве языка», формирующемся в процессе естественного использования языка, так и на основе усвоенных эксплицитных знаний, что особенно актуально для говорения на языке, выученном школьным способом. В этом случае хранящийся в долговременной памяти набор декларативных знаний заставляет говорящего следить за соответствием собственной речи усвоенным ранее нормативным предписаниям, что является еще одним фактором, увеличивающим количество исправлений формы (а не содержания) высказывания в речи говорящих на Я2. Также ошибки провоцируются нехваткой оперативного времени: формирование высказывания на Я2 требует большего временного промежутка, чем на Я1, но говорящий, тем не менее, старается поддерживать естественный темп речи, что часто не позволяет провести доартикуляторное редактирование будущего высказывания. С ростом уровня владения языком, а следовательно, и автоматизированности навыков, функционирование механизмов контроля на Я2 приближается по своим характеристикам к Я1.

Другое важное различие процессов мониторинга на Я1 и Я2 – особенности *компенсаторного речевого поведения*.

В рамках *внешнего мониторинга* говорящий может выбрать один из трех вариантов компенсирующего поведения:

- 1) прервать сообщение и скорректировать высказывание (произвести самоисправление);
- 2) продолжить говорить, игнорируя ошибку/недостаточную информативность;
- 3) занять позицию избегания, то есть совсем отказаться от продолжения высказывания, а значит, и от достижения поставленной коммуникативной и (или) практической цели.

Выбор говорящим одного из названных вариантов во многом обусловлен ситуацией, целями коммуникации, образом получателя сообщения. При говорении на родном языке коммуникант легче примет решение об игнорировании ошибки, если она не препятствует достижению коммуникативных целей. При использовании Я2, особенно при недостаточном уровне владения языком, говорящему сложнее определить степень «опасности» конкретной ошибки для успешности общения, поэтому он старается исправить ее, особенно если это ошибка «низкого уровня».

Для коррекции собственных ошибок говорящий прибегает к самоисправлениям, то есть прерывает собственное высказывание, предлагая иную реализацию речевого плана или даже меняя речевой план с целью сделать высказывание более корректным.

В корпусе из 196 текстов мы выделили 170 случаев самоисправлений разного уровня, которые были расклассифицированы в две группы:

1) исправления, направленные на содержательную правильность высказывания;

2) исправления ошибок в форме выражения.

Во всем объеме текстов на Я2 самоисправления встречаются в два раза чаще, чем на Я1: 116 случаев самоисправлений на английском против 54 в текстах на русском языке. Этот факт соотносится со всеми исследованиями в области самоисправлений на родном и неродном языке: речь на Я2 менее автоматизирована, языковые ресурсы ограничены, что и вызывает большее количество ошибок и повышенное внимание к правильности собственной речи. При этом дисбаланс в сторону текстов на Я2 возникает за счет **исправлений ошибок «низкого уровня» (формы выражения)**. В анализируемом нами материале такие самоисправления составили более половины всех самокоррекций на английском языке – 67 случаев, в то время как во всем корпусе текстов на русском языке мы выделили только один случай исправления формы выражения. Примеры: (Я1) *поэтому он приближается с аквариу к аквариуму очень быстро*; (Я2) *the driver with ah which ой the driver who ah; well a turtle the turtle was moving very slowly; he began to ran he began to run.*

Анализ видов исправления ошибок формы выражения, встречающихся в текстах на английском языке, свидетельствует о том, что механизм мониторинга осуществляется с учетом усвоенных в процессе обучения декларативных знаний.

Контролируя речь на родном языке, говорящие больше внимания уделяют ошибкам в точности изложения информации, чем ошибкам в форме выражения. Мы выделили 53 случая **исправлений концептуального содержания сообщения** на русском языке и 49 – на английском. Примеры: (Я1) *ее замечает кошка и э пы и э подходит к рыбе с целью съесть ее э но когда кошка пытается достать рыбу*; (Я2) *the driver ah leaves oh .. I forgot .. ah from the trailer there is ah a flying ah .. a bank haha.*

К самоисправлениям говорящий прибегает в результате обнаружения в собственной речи ошибки или информационной недостаточности, в том же случае, когда он сталкивается с трудностями в выражении задуманного содержания еще в процессе речепроизводства, т.е. на этапе **внутреннего мониторинга**, ему приходится использовать другие компенсаторные приемы. Этими приемами являются компенсаторные стратегии (КС), позволяющие добиваться поставленной коммуникативной цели в условиях дефицита средств и временного ограничения. Сигналами применения таких стратегий служат различные стратегические маркеры – паузы, хезитации, переключение кода, самокоррекции, вопросительная интонация, а основными критериями выделения КС в речи являются проблематичность и относительная сознательность их использования.

Примеры (полужирным шрифтом выделены стратегические маркеры, подчеркиванием – структура, являющаяся результатом использования КС): *а*

*turtle **ah** was crawling? was crawling along the road; it **ah** throws **ah** .. it throws the empty **ah** thing away.*

В рамках нашего исследования важно отметить тот факт, что русские студенты часто прибегают к редуccionным и интерактивным стратегиям, совмещенным с переключением кода. Пример: *and **ah** .. как не помню как не помню как ... **ah** so and **ah** .. a animal*. Такое поведение не будет эффективным с точки зрения коммуникативной успешности, поскольку оно означает частичный отказ от реализации первоначального плана, а при общении с человеком, не знающим русского языка, переключение кода вообще не имеет практического смысла, ведь КС – это средство, которое позволяет говорящему на неродном языке сделать общение эффективным и избежать коммуникативных неудач.

Компенсаторные стратегии не являются характерными единственно для говорения на Я2, но частота их появления в речи на Я1 значительно ниже, как и значимость для осуществления успешного общения. В корпусе текстов на русском языке мы не выделили случаев использования КС. Это не может служить доказательством того, что при говорении на родном языке отсутствует внутренний мониторинг, ведь заметное количество самоисправлений содержательной стороны высказывания и случаи редуccionного поведения на Я1 говорят о наличии трудностей в формировании высказывания и стремлении говорящего подобрать более адекватные языковые средства при говорении на родном языке. Отсутствие примеров использования КС в речи русских студентов на Я1 свидетельствует о том, что контролирующие механизмы достаточно автоматизированы, а компетенция говорящего настолько высока, что он успевает провести доартикуляторное редактирование высказывания.

Наше исследование показывает, что традиционные критерии выделения компенсирующих приемов недостаточны. Некоторые случаи можно было идентифицировать по-разному: и как использование компенсаторной стратегии, и как самоисправление, являющееся результатом внешнего мониторинга, и как продукционную стратегию.

Пример: *the man sees **ah** a tort a torter **ha** .. a tortment an animal*. Самоисправления в этом примере не являются компенсирующим механизмом внешнего мониторинга, хотя такой вывод и можно было бы сделать, основываясь на поверхностной структуре высказывания. Принимая во внимание характеристики процесса речепорождения, можно утверждать, что говорящий испытывает трудности в кодировании довербального сообщения, а именно в извлечении из памяти необходимой лексической единицы, поэтому данный случай можно отнести к механизмам внутреннего мониторинга, т.е. компенсаторным стратегиям. С другой стороны, использование сходных по звучанию с искомой единицей звуковых комплексов помогает говорящему опереться на фонетическую и двигательную память. Поэтому такая стратегия представляет собой не столько способ преодоления коммуникативных затруднений, сколько операцию процесса речепроизводства, обеспечивая возможность поиска лексической единицы в ментальном лексиконе.

В таких «пограничных» случаях на первый план выступает функция той или иной речевой структуры, использованной в определенном контексте. Поэтому мы считаем правомерным предложить помимо двух традиционных критериев выделения компенсирующих приемов еще один – функциональный.

Таким образом, мы рассмотрели самоисправления как компенсирующее средство в рамках внешнего мониторинга и компенсаторные стратегии – в рамках внутреннего. Кроме того, итоговым решением в каждом из этих аспектов может быть решение об уклонении от вызывающего трудности высказывания, т.е. редуccionное поведение. Примеры: (Я1) *кот с желанием съест рыбку идет к аквариуму ... э-э все он это делает ну он хочет съест рыбку*; (Я2) *ah wants to eat the fish which is in the ah I forget ah just wants to eat the fish*.

Редуccionное поведение возможно не только при столкновении с трудностями в процессе речеобразования или исправлении собственных ошибок. Причиной того, что говорящий отказывается от первоначального речевого плана, может быть и нарушение содержательной стороны сообщения, и недостаток информации, необходимой в данной коммуникативной ситуации, и экстралингвистические факторы. В отличие от большинства зарубежных исследователей, рассматривающих редуccionные стратегии как вид коммуникативных стратегий, в нашей работе предлагается выделить стратегии уклонения в отдельную группу, так как такой вид речевого поведения возможен на любом этапе процесса речеобразования и не сводится лишь к случаям, традиционно относящимся к коммуникативным стратегиям.

Итак, наше исследование показывает, что механизмы внешнего мониторинга во многом зависят от стереотипов структурно-формального обучения, а сформированный в процессе усвоения языка особый блок декларативных знаний оказывает влияние не только на то, что контролирует говорящий в собственной речи, но и на то, как он свои ошибки исправляет. Системные различия языков также в большинстве своем осознаются говорящим лишь в той степени, в какой они выделяются в процессе обучения.

В большинстве исследований, посвященных изучению компенсирующих механизмов в рамках мониторинга речи, эффективность того или иного приема оценивается с точки зрения «понятности» полученной языковой структуры для реципиента (например [Poullisse 1990]). В нашей работе высказывается мнение, что также необходимо учитывать количество затраченных на использование компенсирующего средства усилий и времени. Цель применения любого компенсирующего средства – минимизация того ущерба, который может нанести коммуникации ошибочное или некорректное высказывание. Но любое самоисправление требует от говорящего использования дополнительных ресурсов, увеличивает оперативное время продуцирования высказывания, и может стать отвлекающим фактором для слушающего. Эти негативные явления не должны «перевешивать» возможный вред от ошибки, иначе самоисправление нельзя считать оправданным и эффективным.

В нашем эксперименте говорящие на Я2 стремились исправить все замеченные ошибки, даже если они не несли угрозы успешности коммуникации.

Такое поведение можно определить как недостаточно эффективное. Таким образом, мы видим, что стереотипы, закладываемые формальным обучением, могут снижать стратегическую компетенцию говорящих на Я2. В связи с этим можно утверждать, что в практический курс обучения иностранному языку необходимо ввести комплекс упражнений, который поможет учащимся более эффективно использовать механизмы контроля и оптимизировать компенсаторное поведение. Такой комплекс должен включать в себя упражнения, направленные на расширение метаязыковых знаний о механизмах мониторинга, упражнения на формирование, а затем автоматизацию навыков применения различных компенсаторных приемов и упражнения на формирование установки на отказ от редуccionного поведения при столкновении с трудностями в процессе речепроизведения. При этом недостаточно будет просто увеличить удельный вес коммуникативных и условно-коммуникативных упражнений, тем более что они и так в достаточном количестве представлены в современных пособиях и учебниках по ИЯ. В ходе экспериментальной процедуры по сбору материала для анализа мы отметили, что реальная коммуникативная ситуация превалирует над искусственно заданными параметрами коммуникации. Это значит, что в процессе выполнения условно-коммуникативных и коммуникативных упражнений, ролевых игр, учащийся ориентируется на реального партнера – такого же изучающего язык, как и он сам, а не на условного носителя языка. Поэтому механизмы мониторинга, которые работают в основном в автоматическом режиме, функционируют в соответствии с реальной обстановкой коммуникации и стереотипами обучения, а не заданными учебником или учителем параметрами общения. Следовательно, необходима тщательная методическая проработка этого вопроса и поиск новых приемов обучения говорению на ИЯ, которые учитывали бы известные нам факты о работе механизмов мониторинга.

Очевидно, что исследуемое явление – мониторинг говорящим собственной речи – не сводится лишь к редуccionному поведению, самоисправлениям и использованию компенсаторных стратегий. В нашей работе мы рассмотрели лишь те аспекты процесса мониторинга, которые эксплицируются в создаваемом тексте. Скрытые операции мониторинга требуют отдельного изучения в ходе специально организованных экспериментов и с использованием иных методик, что может быть осуществлено в ходе дальнейшей разработки данной темы.

В заключении диссертации обобщаются результаты и подводятся итоги исследования; определяются возможные перспективы исследования.

В приложении приведены тексты, полученные в ходе экспериментальной процедуры и послужившие материалом для данного исследования.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Галактионова О.С. Стратегии стабилизации коммуникативно неустойчивых ситуаций [Текст] / О.С. Галактионова // Семантика общения: Материалы всероссийской научной конференции. – Орел: Орловский гос. ун-т, 2005. – С. 14-17. – 0,2 п.л.
2. Галактионова О.С. Процессы речепроизводства на неродном языке: модель порождения текста на Я2 [Текст] / О.С. Галактионова // «Власть. Общество. Наука». Вестник Орловского городского Совета народных депутатов. – Вып. 5. – Орел, 2007. – С. 213-216. – 0,2 п.л.
3. Галактионова О.С. Способы преодоления речевых затруднений при говорении на неродном языке [Текст] / О.С. Галактионова // «Власть. Общество. Наука». Вестник Орловского городского Совета народных депутатов. – Вып. 6. – Орел, 2007. – С. 138-140. – 0,1 п.л.
4. Галактионова О.С. Устный повествовательный текст: особенности производства на иностранном языке [Текст] / О.С. Галактионова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 6. – Международный сборник научных трудов. – Ч.1. – Москва-Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2007. – С. 41-44. – 0,2 п.л.
5. Галактионова О.С. Использование коммуникативных стратегий в речи русскоязычных коммуникантов на английском языке [Текст] / О.С. Галактионова // Иностранные языки в высшей школе. – Вып. 6, раздел V. – Изд-во РГУ им. С.А. Есенина. – Рязань, 2008. – С. 101-110. – 0,5 п.л.
6. Галактионова О.С. «Работа над ошибками» (об особенностях мониторинга процесса речепроизводства на неродном языке) [Текст] / О.С. Галактионова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – Вып. 1 (8). – Воронеж, 2007. – С.104-112. – 0,5 п.л.

Подписано в печать 07.08.2008 г. Формат 60х80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 1.5 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 544

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. Васильевская, 138. Тел./факс (4862) 74-11-52

